

Пролог

Скоро буду

Андрей шагнул из башни Федерации, привычно по-правив ремешок часов. На стеклянной поверхности небоскрёба отражалось яркое июньское солнце. 12 июня. Праздник. Официальный выходной. Деловой центр Москвы дышал тишиной: почти все уехали за город, кто-то жарил шашлыки, кто-то катался с детьми на велосипедах. А он — снова задержался.

Он спешил. Не физически — внутренне. Весь день — как в тумане. Вроде бы выходной, но в его графике таких слов почти не существовало. Встречи. Срочные звонки. Отчёты, которые «очень нужно посмотреть перед вторником». Он руководил крупной командой, держал в голове десятки процессов. Его телефон не замолкал даже в два часа дня, когда город уже вымер, и только такси лениво скользили по улицам.

Иногда ему казалось, что работа не просто не отпускает, а врастает в него, как в кожу врастает шрам, — незаметно, но навсегда. Выходные в его жизни случались, как редкие солнечные затмения, — вроде бы бывают, но никто точно не знает, когда.

Он пообещал себе: сегодня — всё. Выхожу. Громко пообещал. Почти закричал в уме, глядя на своё отражение в дверце лифта: «Сегодня я просто муж. Просто пapa. Не руководитель, не стратег. Просто человек».

И всё равно — за десять минут до выхода, как всегда, его кто-то поймал.

— Андрей, извини, можно буквально на две минутки?

Он кивнул. Вошёл в переговорную. Вышел оттуда на сорок минут позже.

Он извинялся, кивал, подписывал, соглашался, слушал — но мысленно всё это время уже был с ними. С Кристиной. С Катей. Сегодня они договорились провести вечер вместе. Просто быть рядом. Погулять. Поесть мороженого. Катя обещала не капризничать. Андрей усмехнулся — в это он верил меньше всего. Но и не это было важно. Важно только одно: успеть к своим девочкам, пока день ещё не стал воспоминанием.

Он спустился на подземный паркинг и нажал кнопку Start Engine. Габариты его BMW X7 мягко вспыхнули. Салон — светлый, прохладный, с лёгким запахом дерева, кожи и легчайшего парфюма, оставшегося после недавней мойки.

На пассажирском сиденье лежал букет из одиннадцати красных роз. Рядом с цветами — мягкая игрушка, калибара. Катя просила давно. И теперь, казалось, даже эта калибара — пушистая, наивная — ждёт, пока он наконец вернётся к жизни, в которой его любят.

Он включил навигацию. Пробки — как всегда. Третье транспортное кольцо ползло. Ничего нового. Вот такая Москва, несмотря на то, что с каждым годом становится всё лучше. Даже в выходной, даже когда половина страны на шашлыках. Поток двигался вяло, как варёная патока. Он перестроился, занял среднюю полосу, включил круиз. Из динамиков звучал джаз — лёгкий, почти акварельный. Мысли плавали, не цепляясь ни за что острое. Голова постепенно отпускала. Он почувствовал, как плечи расслабились, как позвоночник оттаял после многочасового сидения.

Наконец, участок дороги оказался свободнее. И поток, будто стряхнув сон, рванул вперёд. Андрей нажал на газ, и BMW моментально отозвался басистым урчанием. Машина плавно ускорялась, разрезая июньский воздух.

Телефон завибрировал. Кристина: «Ну где ты?»

Андрей усмехнулся. Тепло. Почти счастливо. Потянулся к телефону, глядя на экран. Хотел написать: «Скоро. Очень хочу тебя обнять». Именно в этот момент он отвёл взгляд от дороги.

Время разделилось.

Перед ним — слишком близко — огромная оранжевая туша. КамАЗ дорожной службы. Он стоял в крайней левой полосе, как будто вырос из асфальта, без предупреждения. Рядом ни одного конуса. Ни огней. Ни знаков. Как всегда летом — по всей Москве, как по приказу, начинались дорожные работы, словно их нельзя было проводить ночью или хотя бы в другое время года. А теперь — вот он, абсурдный символ города: строительный гигант, перекрывающий путь посреди праздничной Москвы.

Андрей не успел выругаться. Не успел вздохнуть. Просто — стена.

Хлопок. Скрежет. Рёв металла.

Мир захлебнулся.

Ремень вонзился в грудь. Воздух заполнился пылью и запахом раскаленного железа. Подушки безопасности сработали, но толку от них было мало — КамАЗ не щадит никого. BMW сложился, как бумажный макет. Руль ударил в диафрагму. Колени — в переднюю панель. Кровь выступила на губах. Правый глаз заплыл почти сразу.

Стекло взорвалось. Звук — как хруст под ногами на зимней прогулке, только вокруг жара, асфальт плавится, и внутри — боль, словно тебя переламывают пополам.

Тишина.

А потом — крик.

Не его. Посторонний.

Кто-то визжал. Кто-то бежал. Кто-то уже снимал на телефон — этот рефлекс оказался сильнее сострадания. Другой парень тыкал пальцем в экран, пытаясь вызвать

скорую, но пальцы не слушались. Кто-то закрыл рот руками. Кто-то встал столбом. Кто-то убежал.

Андрей с трудом повернул голову. Всё внутри было током. Казалось, тело стало одним сплошным синяком, дышать — пытка, говорить — невозможно. Он чувствовал вкус крови. В голове — будто гудят десятки поездов метро. Сознание плыло.

— Крис... — прохрипел он. — Кристина...

Потом — миг, когда лицо женщины склонилось над ним. Голос. Вспышки. Сирены. Маячки мигали сквозь боль. Кто-то кричал:

— Он жив?

— Давление падает!

— Срочно в реанимацию!

Андрей выдохнул последние слова, будто отдавал их как обещание:

— Я... еду...

Дальше был свет.

И чья-то рука, поднимающая ему веко. Фонарик, бьющий в зрачок. Голоса, гулкие, как сквозь стекло:

— Есть реакция.

— Пульс нестабильный.

— Наркоз осторожно. Шоковое состояние...

Андрей не чувствовал времени. Он был то в воздухе, то в воде. То в пустоте. Его собирали по кусочкам. Он не знал этого. Но где-то внутри чувствовал — борьба идёт. Скальпели. Кровь. Линия. Остановка. Снова пульс. Врачи работали всю ночь. Потом ещё. И ещё. Внутренние органы, переломы таза, повреждённые лёгкие. Он был на грани. Они сделали всё, что могли. Но теперь — только тишина. Только ожидание.

Г л а в а 1 .

Пульс тишины

Он был... не там. Не здесь. Где-то. Ни снов. Ни мыслей. Ни времени. Как будто его сознание оказалось внутри тёплого камня, погружённого на дно чёрного океана. Там не было боли. Не было света. Только вибрация пустоты, от которой, казалось, всё давно отмерло — и тело, и память, и голос.

И вдруг — треск. Словно по этому камню ударили невидимый молот.

Он дёрнулся. Правая вика дрогнула. Ещё раз. И ещё. Наконец — открыл глаза.

Свет. Тусклый. Ровный. Он моргнул. Голова гудела, как трансформаторная будка. Шум был не внешним, а внутренним — он жил в черепе, перекатывался из виска в висок.

Андрей тяжело вздохнул. Попробовал сесть. Резкая, глухая боль пронзила затылок и отозвалась во всём теле, как будто в позвоночник вбили железный прут. Он рухнул обратно на спину. Затем, собравшись, медленно повернулся на бок и приподнялся, опираясь на локоть.

Сел. Долго сидел, склонившись вперёд, тяжело дыша.

В голове было колоколами. Гул нарастил, будто внутри кто-то раз за разом ударял по медной плите. Он стиснул зубы. Тело ныло, как после аварии... или драки, которую он не помнил. Мышцы были словно разорванные канаты — всё тянуло, ломило, жгло.

Он протянул руку к лбу. Под пальцами — что-то чужое. Шершавое. Ткань? Кожа? Пластик? Он поддел это ногтем — и резко вздрогнул, когда пластырь оторвался вместе